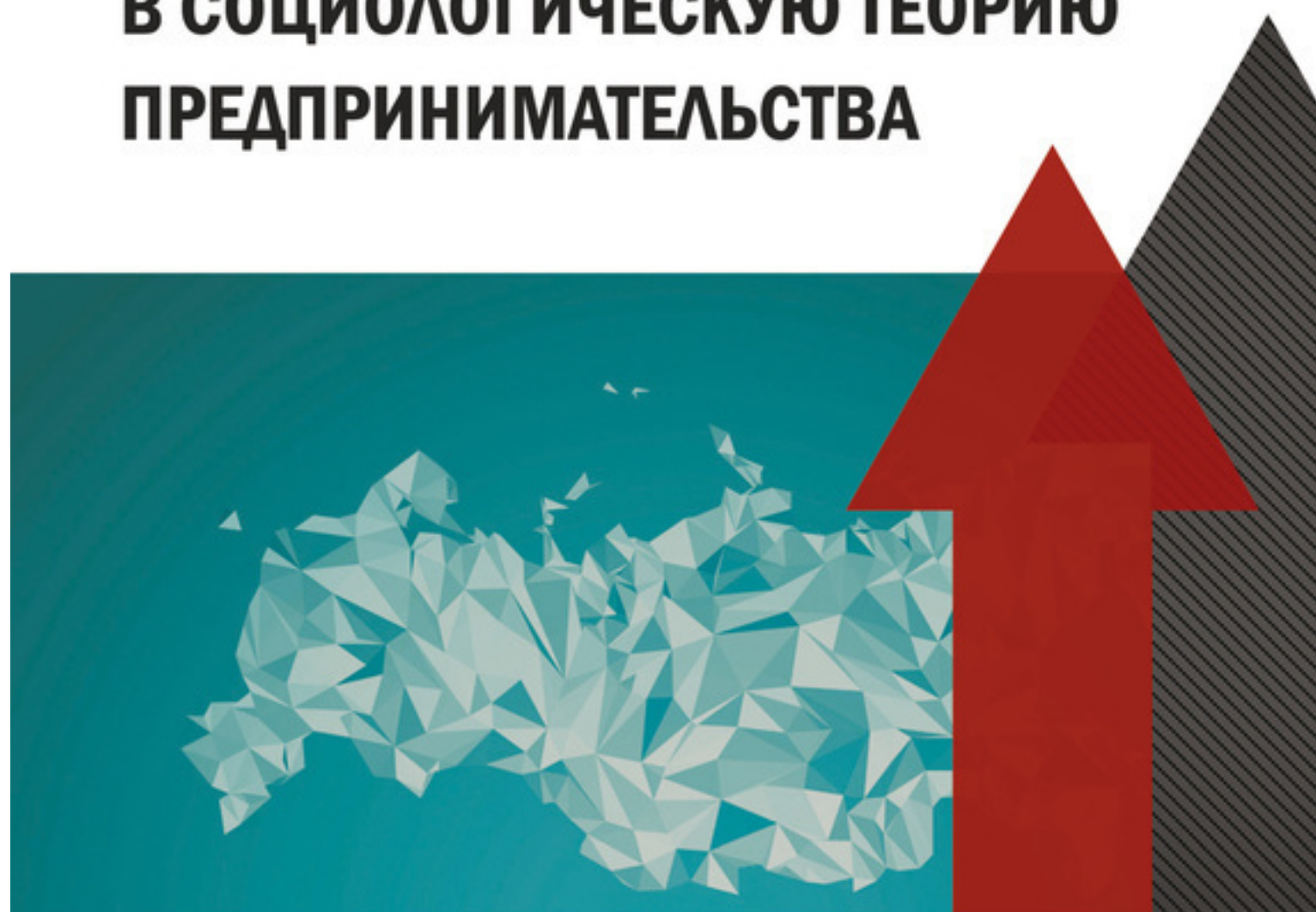

М.С. РОХМИСТРОВ, С.Н. РОХМИСТРОВ

ВВЕДЕНИЕ В СОЦИОЛОГИЧЕСКУЮ ТЕОРИЮ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Максим Рохмистров

**Введение в социологическую
теорию предпринимательства**

"Квант Медиа"

2016

УДК 316.334.23
ББК 60.561.22

Рохмистров М. С.

Введение в социологическую теорию предпринимательства /
М. С. Рохмистров — "Квант Медиа", 2016

ISBN 978-5-98422-306-5

Содержание данной монографии является по своей сути продолжением предыдущих работ авторов: Рохмистров М.С. Собственность: социолого-управленческий аспект. – СПб.: Алетейя, 2013; Рохмистров М.С., Рохмистров С.Н. Конкуренция как процедура для открытия новой парадигмы России: социолого-управленческий аспект. – М.: РИТМ, 2015. В них рассматривались два ключевых основания процесса становления в России новой парадигмы ее развития, которые являются также исходным моментом социологии предпринимательства и представляют собой суть новой социологической теории развития постсоциалистического российского общества. Авторы реально показывают, что новая теория появляется, развивается и утверждается не в головах представителей науки и практики, а в процессе развития самой постсоветской России. Они вводят читателя в содержание происходящих в стране перемен, которые в своей качественной определенности нацелены на будущее России и формируют это будущее, основываясь не на старых пирамидах марксистского учения, а на новой предпринимательской парадигме развития человеческого общества. В рамках данного цикла предполагается в будущем подготовка двух заключительных монографий: «Социальная ответственность бизнеса и демократия» и «Инновации без менеджмента», – содержание которых позволит воспроизвести у читателя некое целостное представление о «социологии предпринимательства» как социологической теории становления и развития постсоветской России. Адресуется ученым, занимающимся научной разработкой проблем предпринимательства, преподавателям и студентам гуманитарных вузов.

УДК 316.334.23

ББК 60.561.22

ISBN 978-5-98422-306-5

© Рохмистров М. С., 2016

© "Квант Медиа", 2016

Содержание

Предисловие	7
Введение	13
Глава 1	20
Конец ознакомительного фрагмента.	27

**Максим Рохмистров,
Станислав Рохмистров**
**Введение в социологическую теорию
предпринимательства: монография**

Рецензенты:

Ж.Т. Тощенко – доктор философских наук, член-корреспондент РАН, декан социологического факультета РГГУ;

С.А. Барков – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии организаций и менеджмента социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Предисловие

Перед тем как выпить чашу с ядом, приготовленный к смерти древнегреческий философ Сократ (ок. 470–399 до н. э.) с ужасом услышал от своего Первого ученика, что существуют тетради его бесед, которые вел его слушатель. Ученик пытался донести до него, что в тетрадях его бесед «всё выверено», «нет у Сократа противоречий», и в них он предстанет перед будущими поколениями «великим, могучим и цельным». В этих тетрадях – «истинный Сократ, и все вытвердят его наставления и будут им следовать и славить его».

Но Сократ решительно отверг попытку его канонизации. «Человек, – воскликнул он, – меняется с быстро текущим временем! И надо проверять. И надо сомневаться. Единственное, что я знаю, – это то, что я ничего не знаю... ты безумец! В тебе нет любви! – гневно бросил он предавшему его ученику. – И у тебя страшные глаза – глаза жреца, а не философа! Я боюсь, что, если завтра по Афинам станет ходить новый Сократ, ты посадишь его в тюрьму именем того, прежнего Сократа. Ты сожжешь тетради! Слышишь? Поклянись мне!»

Молодой ученик так ничего и не понял в том, что составляло смысл бесед, учения и жизни своего учителя, посчитав всё сказанное еще одним чудачеством своего учителя. И, действительно, как же философу не быть кровно заинтересованным в том, чтобы философское учение, выношенное его разумом и выстраданное его сердцем, многократно подтвержденное в своей правоте при жизни и ценою собственной жизни утверждаемое для будущего, не стало достоянием возможно большего числа учеников и последователей.

Однако вряд ли этот ученик до конца проникся тем, что его учитель, верный избранному принципу, был решительно против того, чтобы превращать свою философию в официальную религию, а своих учеников в апостолов.

Вряд ли стоит перечислять всех последователей «первого ученика Сократа». Их в истории развития человеческого общества было вполне достаточно. Обратимся лишь к заключительному этапу социалистической истории России – периоду когда, как казалось, главные трудности строительства советского общества остались позади.

Будущее России в советское время было настолько ясным и понятным, что руководство КПСС, которое после смерти И.В. Сталина возглавил Н.С. Хрущев, нисколько не сомневаясь в своей правоте, представило конкретный сценарий прихода в нашей стране ее нового, как представлялось, заключительного этапа развития – коммунистического завтра. Речь идет о Программе КПСС, принятой на XXII съезде партии, в которой с точностью до десятилетий предсказывался «рывок» СССР в свое коммунистическое будущее. Нет смысла приводить конкретные цифры, вспоминая в какое именно десятилетие XX века СССР догонит и обгонит США, в какое десятилетие этого же века будет создан сам фундамент коммунизма – его материально-техническая база – и, наконец, когда именно появится тот «новый человек», который «сбросит» с себя всю ту социальную «грязь», которая копилась в человеческих отношениях все годы существования человеческого общества.

Как просто было принимать подобного рода решения, обещая советским людям исполнение всех их насущных желаний, и как непросто стало обещать что-либо населению страны, после того как оно разочаровалось во всемогуществе этой руководящей силы общества. Достаточно вспомнить реформаторские шаги последнего руководителя КПСС – М.С. Горбачёва. Даже то, что генсек пытался перестроить общество, обращаясь непосредственно к его членам, опираясь на индивидуальную активность, создавая конкретные условия для ее проявления (принятие законодательных актов об индивидуальной и кооперативной деятельности в СССР), не помогло удержаться старому советскому способу жизни в СССР в каких-то некоммунистических рамках существования. Как только было ликвидировано конституционное положение о руководящей роли КПСС, поддерживаемой в том числе и репрессивными методами, СССР

развалился. Причем, как ни странно это звучит, развалился благодаря местечковым лидерам всё той же КПСС, которая раньше казалась незыблемым интернациональным объединением своих членов, интересы которых реализовывались прежде всего в рамках строгой организованности, дисциплинированности и единства.

Такой «коммунистический» реванш и определил те политико-экономические зигзаги, которые свойственны не только постсоветской России, но и практически всем постсоветским республикам старого СССР, включая даже прибалтийские страны, которые якобы продвинулись в своем постсоветском времени дальше, чем нынешние члены СНГ. «Бацилами» старых коммунистических технологий организации и управления обществом оказались заражены, таким образом, все руководители новых государств, получивших самостоятельность. Они, естественно, и задали общую тональность в управлении. Конечно, в своих действиях они не воспроизводили старые коммунистические штампы руководства, всецело базировавшиеся на вульгарном марксизме. Но и «закоренелыми» агностиками не стали, используя в обновлении жизнедеятельности постсоветского общества чаще всего дедуктивный метод в выведении новых перспектив развития из старого советского опыта. В этом «новом» руководителям активно помогала и та часть обществоведов, которые сформировались в рамках методологии марксизма, продвинувшись в советское время благодаря своим успехам в развитии именно этого методологического идеала в своем карьерном росте и сохранивших руководящие посты в науке. Для тех и других новый методологический идеал не мог простирается дальше той конвергенции, которую они еще так недавно активно критиковали.

На первых этапах развития новой России реализация конвергенции осуществлялась в форме реставрации опыта жизнедеятельности дореволюционной России. Тот вал публикаций по предпринимательству – в общем-то, ключевому субъекту развития постсоветской России, – к сожалению, характеризовался далеко не прогрессивным смыслом. «Возвращение к утраченному» под девизом которого осуществлялся процесс изучения путей развития новой России, абсолютно не имело ничего общего с тем феноменом – предпринимательством – в его методологическом для развития человеческого общества ключе, который только и мог стать главным и основным субъектом развития России в новейшей истории. «Возвратиться» новая Россия могла лишь к условиям жизнедеятельности царского периода, который, как и социалистический период, характеризовался главным образом административно-командным способом организации жизнедеятельности общества. О той свободе, которая была лозунгом отхода от социализма и на волне которой произошли коренные изменения в СССР, стали в лучшем случае много говорить, почти сразу же забывая о ее главном методологическом назначении в качестве единственного способа жизнедеятельности нового общества, кардинально противопоставляющего новое начало – самодеятельность – постсоветской России старому началу – ее административно-командному сковыванию. Именно в последнем ключе стали восприниматься и трактоваться и те технологии организации новой жизнедеятельности общества, административное «внедрение» которых в практику ассимилировало их со старыми социалистическими и царскими технологиями и, естественно, формировало ту систему ostrакизма, с помощью которой можно было бы практически решать проблемы реставрации в посткоммунистической стране какого-то, пусть и мутантного, но социалистического строя.

Прецедент «возвращения к утраченному» может реализовываться и в одной из форм некой совокупности дискретных единиц социальной организации («цивилизации»), каждая из которых проходит свой уникальный путь и имеет своеобразную систему ценностей, вокруг которой складывается вся ее жизнь. Как известно, в своей классической теории локальных цивилизаций А. Тойнби (1889–1975) наряду с такими цивилизациями, как египетская, китайская, шумерская, индская, эллинская, западная, иранская, вавилонская и другими, выделяет и «православную христианскую» (в России). Конечно, и сам рост цивилизации, по мнению А. Тойнби, состоит в прогрессивном и аккумулирующем внутреннем ее самоопределении или

самовыражении как некотором конкретном ответе на вызовы природной и человеческой среды. Конкретно в России этот вызов, по его мнению, принял форму непрерывного внешнего давления со стороны кочевых племен. Ответ представлял собой становление нового образа жизни и новой социальной организации. Это позволило оседлому обществу впервые за всю историю цивилизаций не просто выстоять в борьбе против евроазиатских кочевников и побить их, но и достичь действительной победы, завоевав их земли, изменив лицо ландшафта и преобразовав в конце концов кочевые пастбища в крестьянские поля, а стойбища – в оседлые деревни¹.

Но почему же такого рода «самоопределение», базирующееся, по логике А. Тойнби, на обстоятельствах перехода от более грубой к более тонкой религии и культуре, не может базироваться на той свободе личности, с реализацией которой и связан капитализм, считавшийся автором временем духовной смуты, характеризующейся тем, что гражданин «окружен стихией, которая чужда его душе»²?

А как же быть с той «стихией», которая окружает человека в тоталитарном обществе, будь это социализм или национал-социализм? Эти явления для Тойнби как бы и не существовали. Хотя, как известно, истина в большей степени познается в сравнении.

Да, любое общество характеризуется присущей ему системой ценностей. И именно она является основным регулятором человеческой деятельности. Так думают многие исследователи, стремясь обосновать необходимость именно той системы ценностей, которая, по их мнению, является наиболее необходимой для человечества. Но правы ли они?

Возьмем, к примеру, несомненно весьма оригинальную теорию человеческой истории как последовательной смены социкультур или цивилизаций П.А. Сорокина (1889–1968). Известный социолог полагал, что, исследуя культурные качества (значения, нормы, ценности), скрытые в сознании индивидов и выявляющиеся в их деятельности (в культурных образцах), можно выявить длительные, опирающиеся на одни и те же ценности периоды человеческой истории, т. е. разные культуры. Каждая из этих культур неповторима. Она рождается, достигает расцвета, а затем умирает. На смену ей приходит другая культура, опирающаяся на новую систему ценностей и создающая свой, особый мир человеческого существования. В современной российской истории практически полностью воспроизвелось утверждение П. Сорокина о том, что распад каждой культуры сопровождается кризисными явлениями во всех сферах жизни общества.

Однако на этом сравнения содержательной теории П. Сорокина с нашей сегодняшней действительностью и кончаются. Увидеть в ней наше будущее не так просто. Социолог П. Сорокин предстает перед нами в роли историка, который смотрит в прошлое из настоящего, что собственно и определяет перспективу его видения. По отношению к капитализму он, подобно К. Марксу, считает, что после периода наивысшего расцвета в XIX веке далее последует только его упадок и разложение.

Современник А. Тойнби и П. Сорокина К. Ясперс (1883–1969) скептически оценивал некогда популярную (20—30-е гг. XX в.) теорию культурных циклов. В принципе он прав, и для нас уже одно это весьма положительно. И Тойнби и Сорокин, как известно, анализировали как бы отдельные составляющие мирового развития, не находя какой-либо основательной платформы для их объединения. Более того, они что-то и упускали. А, возможно, это «что-то» было самым важным в понимании многих загадок развития человеческой истории. К примеру, П. Сорокин пользовался своей схемой, которая приложима почти исключительно только к западноевропейской истории. Остальной мир у него остался в тени.

К. Ясперс же при создании своей схемы целостной исторической картины исходил из уверенности, что человечество имеет единые истоки и общую цель. «Эти истоки и эта цель, –

¹ См.: Тойнби А. Постигание истории: сб. – М., 1996. – С. 67, 116.

² Там же. – С. 440.

признавал он, – нам неизвестны, во всяком случае в виде достоверного знания. Они ощутимы лишь в мерцании многозначных символов. Наше существование ограничено ими. В философском осмыслении мы пытаемся приблизиться к тому и другому, к истокам и цели»³.

Конечно, можно всё это представить двояко. С одной стороны, если доказать сказанное Ясперсом невозможно, единство истории может быть только предметом веры, что собственно и использовалось и А. Тойнби, и П. Сорокиным. Но, как известно, в христианской концепции истории и отправной пункт исторического развития (явление Христа), и его конечная цель (переход человечества в идеальное состояние) мыслились как совершенно определенные и очевидные. К. Ясперс же считает, что единство истории – это постулат веры и в то же время допущение разума, но постулат не религиозной, а философской веры. Думается, что большой разницы здесь нет. Оба постулата пока нельзя ни доказать, ни опровергнуть, о чем собственно и свидетельствует сам Ясперс. «Наша история совершается между истоками (которые мы не можем ни представить себе, ни примыслить) и целью, конкретный образ которой мы не можем существенным образом обрисовать», – писал он. И делал, на наш взгляд, весьма здравое заявление: «Я стремлюсь лишь опровергнуть удобное и по существу ничего не значащее толкование истории как постижимого и необходимо поступательного движения человечества. Я стремлюсь оставить вопрос открытым и допустить возможность новых подступов к познанию...». «Удивление перед тайной, – замечательно выразился Ясперс, – само является плодотворным актом познания, источником дальнейшего исследования»⁴.

Именно последнее может и должно стать некой формой, а может быть, даже неким откровением ученого-обществоведа вообще и еще в большей степени – российского, который сегодня чаще всего думает с каким методологическим инструментарием приступать к поиску новых путей развития современной России.

При создании своей схемы целостной исторической картины К. Ясперс весьма определенным образом отзывался лишь в двух случаях. Об утрате человеческого облика в условиях террористических политических режимов. Чудовищной реальностью считает Ясперс национал-социалистические лагеря с их пытками. Человек в этих условиях может превратиться в нечто такое, о чем невозможно было подозревать. «Эта реальность концентрационных лагерей, это согласованное движение по кругу пытающих и пытаемых, эта утрата человеческого облика предвещают будущие возможности, которые грозят гибелью всему. Эта опасность страшнее атомной бомбы, так как она угрожает душе человека»⁵.

Если сказанное относится к нашей истории опосредованно (революция, раскулачивание, 1937 год и другое), то тотальное планирование, уничтожающее свободный рынок и заменяющее его статистическими исчислениями и определением характера труда, производства и распределения по разумению выделенных для этого лиц, в зависимости от их целей и вкуса – это наше советское прошлое и в какой-то степени это наше настоящее. Социальный ресурс тотального планирования, выйдя за пределы экономики, начинает оказывать косвенное воздействие на всю человеческую жизнь вплоть до духовного творчества как нуждающегося в свободной инициативе отдельных людей. «Тотальное планирование, – считал Ясперс, – ... не может быть ограничено... хозяйственной сферой. Оно становится универсальным фактором жизни людей. Регулирование хозяйства ведет к регулированию всей жизни как следствие сложившихся в этих обстоятельствах социальных условий»⁶.

На чем основывается тотальное планирование? В первую очередь на том представлении, что человек познан полностью. «Целью совершающегося планирования является идеальный

³ Ясперс К. Истоки истории и ее цель. Вып. 1–2. – М., 1991. – Вып. 1. С. 27.

⁴ Ясперс К. Истоки истории и ее цель. Вып. 1. – С. 63, 53

⁵ Там же. – С. 16.

⁶ Ясперс К. Истоки истории и ее цель. Вып. 1. – С. 61.

человек. Преображенный человек делает возможными новые общественные условия, только эти условия делают возможным появление нового человека. Создается впечатление, будто планирующий человек проникает своим познанием в эволюцию человека, стремится создать его подобно тому, как художник создает произведение искусства из данного ему материала, гордыню, в которой человек ставит себя над человеком (такова идея молодого Маркса, таков сверхчеловек у Ницше)»⁷.

Коммунизм, по Ясперсу, это социализм, преисполненный энтузиазма и веры в достижение блага для всего человечества и насильно осуществляющий посредством тотального планирования формирование будущего. Сегодня это осознается уже весьма отчетливо. Но разве могли понять миллионы советских людей слова Ясперса, характеризующие коммунизм, сразу же после Великой Отечественной войны?⁸

«Коммунизм, – писал он, – можно в отличие от социализма характеризовать как абсолютизацию, по существу, истинных тенденций. Однако превращаясь в абсолютные, они принимают черты фанатизма, теряют на практике способность к историческому развитию, которое заменяется процессом нивелирования»⁹.

Сегодняшние поиски национальной идеи вряд ли приведут к чему-то. А если и приведут, то опять к какому-либо очередному мироустройству, сформировавшемуся в голове очередного «спасителя отечества», ибо если бы справедливое мироустройство существовало в качестве предмета знания в истории человечества, то оно не воспроизводилось бы в форме некоего фантастического мира не только в учениях утопистов, к которым следует отнести и социалистов, в том числе и сторонников «научного социализма» К. Маркса, но и в сказках и мифах.

По сути дела, якобы научное конструирование будущего человеческого общества – это такого же рода продукт мифологического мирозерцания, которое было свойственно не только раннему времени, когда возникла речь, орудия труда и т. п., не только эпохе великих культур древности, но и эпохе развития техники, в которой продуктами мифотворчества стали многочисленные утопические теории развития общества.

Отсюда следует и то, что во многих концепциях философии истории вечным фактором жизни человечества и человеческой истории оказывается религия, и даже тогда, когда К. Ясперс пытается «объединить» постулат веры с допущением разума, называя свой постулат «философской верой», вряд ли религиозная традиция исчезнет. О каком «допущении разума» можно говорить, когда, как мы говорили выше, он утверждает, что нельзя «применить» сами истоки человеческой истории, а тем самым «обрисовать» и цель возникновения человечества.

Другое дело, когда речь идет о религиозных концепциях истории. Здесь-то речь о целях создателя как раз и не идет, а отправной пункт исторического развития связывается конкретно с явлением Христа, которое и есть ось мировой истории. Весьма показательна в этом плане позиция Гегеля, который, начав с попытки нарисовать картину истории так, чтобы христианство выступало как один ее момент, пришел к выводу, что весь исторический процесс движется к Христу и идет от него.

Из всего сказанного можно сделать лишь один вывод: до сих пор какая-то приемлемая концепция об истоках и целях человеческой истории не появилась. На наш взгляд, вряд ли она когда-либо и появится. И здесь мы солидарны с К. Ясперсом, который писал: «Единые истоки человечества в начале доисторического времени столь же темны для нас, сколь темен мир господствующего ныне на земном шаре человечества, которое, быть может, достигнет единства

⁷ Там же. – С. 5.

⁸ «Истоки истории и ее цель» впервые вышла в свет в 1949 году, всего через четыре года после окончания Второй мировой войны.

⁹ Ясперс К. Истоки истории и ее цель. Вып. 1. – С. 77.

своего юридически упорядоченного, духовно и материально устремляющегося в бесконечность существования»¹⁰.

В этих условиях очевидным становится то, что никакие концепции и цели будущего человечества не могут стать руководством при формировании какой-либо совершенно новой системы организации человеческого общества, некоего прототипа утопических теорий, «научного социализма», национал-социалистической модели и т. п. В мире уже появилась относительно ко всей человеческой истории некая основа всего существования в целом, игнорировать которую как раз и пытаются новые «первооткрыватели» типа Кабе, Фурье, Прудона, Оуэна, Маркса и др. Плачевные результаты их социальных экспериментов только подтверждают истину о невозможности вмешательства в исторический процесс и в принципе дискредитируют саму проблему «роли личности в истории».

Другое дело, что сам процесс управления в разных странах объективно вбирает в себя те социальные технологии, благодаря успешному функционированию которых и отдельные нации, и человеческое общество в целом постоянно развиваются, преодолевают в том числе не только так называемые трудности роста, но и негативные последствия различных псевдореформ новоявленных «апостолов» – ревностных последователей или создателей какого-либо учения о развитии человеческого общества. Однако на наш взгляд, и какую-либо оптимальную (опять же на «просвещенный» взгляд кого-либо из «первооткрывателей») систему этих социальных технологий трудно представить. В процессе развития общества, несомненно, будут появляться новые социальные технологии и развиваться уже существующие.

¹⁰ Ясперс К. Истоки истории и ее цель. – Вып. 1. – С. 63.

Введение

Научное познание в современной России уже на первом этапе утратило черты таинственности марксистской концепции развития мира и обрело характер рациональной методической деятельности. При этом эта деятельность связана не только с выдвижением и проверкой гипотез на основе эксперимента, хотя и это иногда практикуется, но и с тем, что вся более чем 25-летняя история постсоветской России – это и есть по своей сути эксперимент. Как, впрочем, и весь советский период истории России. И если на последнем отрезке этой истории всё было ясно с характеристикой гипотезы – построение коммунизма и формирование нового человека, – то в постсоветском периоде вызывает трудность именно содержание и характер самой гипотезы – рынок, капитализм и т. п.

Если говорить о содержании постсоветского развития России, то какая-то ясность в необходимости самого переходного процесса понятна, чего, к сожалению, нет в понимании характера гипотезы. Тем не менее этот переходный процесс с необходимостью должен включать в себя саму совокупность отличительных свойств, признаков предмета или явлений, т. е. всего того, что и составляет предметность данного переходного периода. Пока же получается, что исследователи и реформаторы знают от чего необходимо избавиться (хотя и здесь возникают споры о самом содержании «прейскуранта пережитков» социализма, какие-то из них стараются сохранить и в новой жизни), но какие-либо контуры нового российского общества они не могут представить.

И дело даже не в том, что руководители процесса перехода России к своему новому качеству не представляют эти новые контуры. Гораздо более существенным моментом представляется нам то, что и у них, и у массы ученых наблюдается в большей степени некое «раздвоение» сознания. С одной стороны, как отмечал представитель австрийской аналитической философии Людвиг Витгенштейн (1889–1951): «Мы чувствуем, что если бы даже были получены ответы на все возможные научные вопросы, наши жизненные проблемы совсем не были бы затронуты этим»¹¹. С другой стороны, смысл этой «чувствительности», о которой писал Людвиг Витгенштейн, заключается в том, что и в упоминавшийся «прейскурант пережитков», и в некий «прейскурант будущего» мы «вкладываем» «текущие» (courant), т. е. известные нам на текущий момент, знания и представления. И получается в сухом остатке простая конфигурация нашей жизненной философии: мы нацелены на достижения развитых стран с рыночной экономикой, но не можем их достичь, основываясь на своей старой системе действий, ограниченной устоявшейся старой мировоззренческой платформой и имеющейся на данный момент некоей практической системой своих действий.

Разорвать этот замкнутый круг можно лишь обратившись к той форме научного знания, которая стремится возвыситься над своим устаревшим фундаментом и устремиться к новому. В этом своем непрестанном поиске новых теорий она нуждается в пересмотре сложившегося знания, вплоть до собственных оснований, что особенно важно подчеркнуть. И, как свидетельствует сам факт возникновения в свое время марксистской теории развития человеческого общества, в периоды определенных научных революций возникает особенно острая необходимость в изменении неких стандартных представлений о пространстве и времени, закономерности и причинности и т. п. Для этого уже недостаточно тех методов эмпирической проверки и логического доказательства, которые использовались в нашей стране, начиная со времен «перестроечной эпохи» М.С. Горбачева, периода разработки проектов «перехода от социализма к капитализму», например Г. Явлинского и Е. Гайдара, и практики реализации программы рыночных реформ последнего.

¹¹ Витгенштейн Л. Философские работы. – Ч. 1. – М., 1994. – С. 72.

Сегодня уже совершенно ясно, что «детская болезнь» нашего постсоветского творчества дальше не может продолжаться. И все рецепты ее лечения, возможно даже и вместе с самими «лечащими» докторами, должны уйти в прошлое. Согласимся с мыслью, что необходимо распрощаться и с тем старым (кстати, не только «советским», но и имеющим более длительную историю) мышлением, на основе которого сотни лет Россия пыталась «идти» по некому «особому пути». В самом прямом смысле современной России необходимо «последовать» по пути разрешения критической ситуации в физике конца XIX – начала XX века, когда пришлось переосмыслить многие понятия классической физики. И вместе с этим в физике пришлось изменить традиционные представления о независимости масштабов измерения пространства и времени от движения. Именно такого рода изменения и должны произойти в нашем обществе незамедлительно. Тем более, что в отличие от «положения физики» сама база тех революционных перемен, которые должны осуществиться в современной России, уже давно сложилась. И, кстати, уже используется и в нашей стране, но, естественно, в условиях старых «очевидных различий» между государством и частным бизнесом, общественной и частной собственностью, капитализмом и социализмом и т. п. Только в мультфильме можно представить нашу «отечественную трагедию» – движение населения под руководством правительства к «рынку», который, как и капитализм, до сих пор ненавидит большинство россиян. Причем не только с советских времен, когда капитализм был «врагом номер один», но и с весьма «качественной и доходчивой прибавкой» современного негатива «рыночных реформ» в постсоветской России.

Конечно, сам факт обращения российских сторонников перехода страны к новому, рыночному будущему России вполне понятен, поскольку основывался он в первую очередь на несравнимых с результатами социалистической практики успехах обществ, функционирующих на платформе рыночной экономики. Новоявленным «революционерам» казалось, что «ввести» рынок в Россию просто. Достаточно избавиться от жесткой «руки» КПСС и внедрить в практику капиталистические начала... О самой форме новых революционных преобразований новаторы, естественно, не задумывались. В их сознании она, конечно же, должна стать такой же, как и давно привычная система сознательного изменения существовавшей действительности. И уж, конечно, новым реформаторам вряд ли приходило в голову то, что будущие преобразования в экономике с необходимостью затронут жизнедеятельность общества в целом и в первую очередь весьма негативно скажутся на проблемах классовых отношений. Ведь в конце XX века вряд ли кто-либо из россиян помнил о произведенных волюнтаристических изменениях в социально-классовой структуре российского общества, основанных на грубом командно-административном начале с применением военно-политических методов «выкорчевывания» среди населения целых социальных классов.

Во-первых, вряд ли наши новаторы в полном объеме понимали то, что изменения в самой системе собственности станут основой воспроизводства некой новой социальной структуры общества.

Во-вторых, вряд ли кто-либо из этих новаторов вспомнил о той большой подготовительной работе, которая в свое время была проведена большевиками во главе с В.И. Лениным. А ведь главной составляющей этой работы была цель изменения политического сознания главного отряда будущего переустройства России – пролетариата. Вряд ли в голову нашим «новым революционерам» приходила мысль, что воспроизводство частной собственности на средства производства с необходимостью воспроизведет и ту новую социальную силу, которая только и может стать «становым хребтом» новой ипостаси России. И что эта социальная опора становления новой экономики и нового политического устройства будет пополняться в первую очередь из тех слоев старого российского общества, которые в СССР «преследовались по закону» или подвергались насильственной коллективизации, насильственному лишению или частной собственности, или частного (индивидуалистского) образа мышления.

Уже одно то, что сам нарицательный имидж незаконной торговли – «спекуляция», а ее социального агента – «спекулянт», было ясно, что он полностью подменит и «предпринимательство», и «предпринимателей». А ведь именно они олицетворяют тот новый рыночный порядок жизнедеятельности новой России, который «прельстил» наших «революционеров» в западных странах, к которому подталкивали старое советское общество энтузиасты смены общественного бытия россиян.

Сама очевидность последнего требовала особого внимания не к каким-либо структурным переменам в экономике, чем сразу же озаботились энтузиасты новых перемен, а к тому простому человеческому фактору, который играл, кстати, важнейшую роль во всей истории советского периода России. С самого начала этой истории и до самого ее конца представители руководящей партии искореняли пережитки капитализма. В первое десятилетие они уничтожали самих носителей этих пережитков, а во все последующие годы продолжили начатое с помощью тюрем, лагерей, лишения гражданских прав и т. д. и т. п. Так что опыт «советской перестройки» показал самые болевые моменты становления СССР. Власть в стране большевики даже не завоевывали – она сама «упала» к их ногам. Они лишь ее «подобрали». И совсем другое дело – те трудно преодолимые трудности, с которыми столкнулась власть предрежащая партия, внедряя в практику жизни и сознания людей свою **социологическую теорию видения мирового развития – марксизм**. Долгие годы идеологи марксизма ни на минуту не сомневались в том, что именно идеи К. Маркса овладеют не только жителями России, но и населением всего мира. Исключение в этом процессе составляли, по их мнению, только владельцы средств производства, «эксплуатирующие» трудящихся. Им в светлом будущем места не было. Вряд ли советский народ задумывался над простой истинной, что за пределами его страны дело с «пережитками капитализма» обстоит совершенно по-другому. Что там, особенно в развитых капиталистических странах, которые, по Марксу, должны были быть первыми кандидатами на победу социализма над старыми капиталистическими устоями, главный раздражитель общественного согласия – по мнению коммунистов, частная собственность – уже давно «переместился» из сферы классовой борьбы, политической идеологии в моральную область, а обладателями частной собственности является абсолютное большинство населения этих стран. А уж о том, что именно эта частная собственность на Западе является неким симбиозом экономического и нравственного начал, вряд ли думали даже те, кто ратовал за переход к рынку.

О многом из сказанного не думают и те, кто и сегодня «активно продвигает» в современной России рыночные реформы, всё так же не задумываясь о том, на какую почву «упадут» их «рыночные» призывы и что из этого может «произрасти». Именно поэтому необходимо сегодня по прошествии 25-летнего периода «неблагодарного труда» по навязыванию рыночных реформ «сверху», использованию процесса псевдореформирования в интересах обогащения самих реформаторов и коррупционной деградации общества обратиться к началам становления в России новой общественно-экономической формации – той естественной для мирового развития формы жизнедеятельности человеческого общества, которая приходит в исторически обусловленное время во все страны мира для улучшения обстоятельств жизни населения этих стран. И сколько бы, и как бы ни сопротивлялись те силы, которым выгодно отстаивать старые основы жизни общества, новая форма жизнедеятельности всё равно побеждает. Становление этой новой формы жизнедеятельности в России не может идти по пути воспроизводства контуров и схем каких-либо архитекторов, преследующих сугубо свой интерес. Этот процесс всецело связан с другим началом – с самовозникновением и саморазвитием тех новых социальных технологий, которые, овладевая массами, и формируют тот новый уклад жизнедеятельности всего общества, который выгоден всему населению, а не каким-либо его «частям».

Осмыслению данного переходного процесса применительно к современной России авторы и посвящают данную работу.

В первую очередь, конечно, необходимо обозначить сам ракурс нашего исследования, поскольку он не может базироваться на предмете некоей новой науки, нам пока еще не известной. Тем более нельзя оперировать некоей моделью жизнедеятельности новой России, «взятой напрокат» из какой-то другой страны, на «кальке» которой нам сподручнее «лепить» новый формат жизнедеятельности России. Более предметным началом исследования, на наш взгляд, будет некий симбиоз уже имеющегося мирового опыта, в закономерности которого уже нет никакого сомнения, с новым и выявление тех ростков нового, которые нам предстоит «увидеть» уже в процессе жизнедеятельности самой России. Ну, а в том, что процесс этого развития характерен для России, сомнений не возникает – об этом свидетельствует сама история страны.

Вот и сегодня нельзя говорить о том «мертвом тупике», в котором находится Россия. Скорее всего можно сказать, что она находится в зоне достаточной неопределенности своего места в мировой цивилизации. Усилия, предпринятые отечественными социологами, на наш взгляд, пока не проясняют общую картину и целевую направленность движения России к своей новой парадигме развития. Главная трудность такой ситуации связана в первую очередь не столько с неудачами в научном осмыслении нового образа жизни общества, сколько с весьма нестандартными образцами самой практики осуществления процессов реформирования российского общества. При общем понимании целевой направленности развития России – движение к рынку – очень часто и в процесс осмысления этого, и в саму направленность практических действий весьма целенаправленно вносятся элементы и старой теории (марксизма-ленинизма), и старой практики, основанной на административно-командных началах.

Сегодня тот факт, что процесс рыночного преобразования России уникален не только в ряду несоциалистических стран, но и по отношению ко всем постсоциалистическим странам, в которых, по сути, произошла реставрация капитализма, общепризнан. Однако это не означает, что переход России от социализма к капитализму будет проходить в каких-либо формах, свойственных исключительно только для России. Да, единичность каких-то особенностей перехода может объясняться тем, что в отличие от других своих партнеров по социалистическому лагерю советский строй сформировал очень устойчивое негативное отношение к буржуазным ценностям. Однако это не помешало россиянам сделать выбор именно в пользу капитализма. Так, зачем же всё снова и снова пускаться на поиск «лучших образцов» социалистического периода жизнедеятельности российского общества для того, чтобы «встроить» их в новую практику?

Вряд ли то кажущееся противоречие между ликвидацией ситуации, когда в СССР главным и единственным собственником средств производства было государство, и тем, что оно продолжает играть роль руководящего начала, в том числе с некоторых пор и в собственности (сегодня, по данным М. Борщевского и А. Шохина, государству принадлежит 70 % собственности, хотя, по данным официальной статистики, численность предприятий государственной формы собственности и, например, частной соотносится как 3,4 и 80,5 % соответственно), оставаясь по своей сути старым бюрократическим образованием, может сегодня играть роль фактора, ускоряющего развитие нашего общества¹². Практика показывает, что влияние данного противоречия пока остается весьма негативным моментом на этом этапе развития. Не с этим ли связано и то, что в отечественной литературе само видение процесса становления новой парадигмы России с каждым прошедшим годом после первого десятилетия реформ представляется сегодня чаще всего в наборе различного рода явлений, объединенных одним «началом» – пагубным влиянием «рынка» на развитие российского общества. При этом игнорируется сам факт отказа от старой бюрократической общественной системы – СССР, которая во многом воспроизводится сегодня в России, и, на наш взгляд, постепенно девальвируется тот простой факт, что страна 25 лет тому назад вступила в свое качественно иное состояние

¹² См.: Российская газета. – 2011. 21 апр. – С. 8; Российский статистический ежегодник. 2006: Стат. сб. / Росстат. – М., 2006. – С. 339.

жизнедеятельности. Осознать всё это, а тем более управлять этим процессом невозможно с позиции и старой практики, и старого научного багажа. Мы же чаще всего пытаемся искать в прошлом не только нашу национальную идею, но и опыт создания нового общества.

Конечно, трудно сразу осуществить переход из старой жизни общества в новую, особенно в ситуации, когда содержание и специфика признания необходимости этого определенного переходного периода и поиск конкретных форм его осуществления чаще всего являются предметом научных дискуссий, чем практических действий и органов управления, и основной массы населения. Хотя совершенно очевидно, что это – переход от старого к новому, и само это новое не какой-то аналог старого, тем более не какой-то «улучшенный социализм», и не тот капитализм, негативный образ которого десятилетиями формировали советские идеологи. Очевидно, что это именно то, чего у нас никогда не было не только на практике, но и в нашем представлении. Как очевидно и другое – необходимо сформировать само видение¹³ этого нового общества или хотя бы иметь перед глазами определенный набор связанных явлений, представляющих собой достойный объект для исследования.

Таким объектом для нашего исследования является набор действий государственной власти по созданию условий для самовоспроизводства и взращивания того субъекта, который только и может быть фундаментом и агентом становления действительно новой России. Вполне естественно, что и сам властный орган в ходе этого процесса должен самовоспроизводиться в своем совершенно новом качестве, а не в каком-то перелицованном виде, как это происходит сейчас. Вполне возможно, что данная постановка вопроса будет расходиться с какими-то классическими схемами возникновения капитализма, например, в странах Восточной Европы. Возможно, даже не совсем совпадать с аналогичным опытом перехода к нему других бывших социалистических стран. Но даже сама роль государства в становлении рыночных отношений в России, на наш взгляд, во многом отлична от названных стран.

В сфере нашего видения должно войти и то, как конкретно будет осуществляться становление этого нового социально-политического качества новой России и с позиции какой научной платформы будет отслеживаться и осмысливаться сам переход к новому. Именно платформы, а не конкретной науки, чем мы «грешим» до сих пор, ибо те кардинальные изменения, которые должны произойти в обществе, должны, в первую очередь коснуться изменений не только в какой-либо науке или ее «подаче», как это было у нас с экономической наукой, но и в практике самой жизнедеятельности общества. Что касается самой науки, то в ее системе уже давно сложилась такая научная дисциплина, как, например, социология, которая способна сама по себе выступать как платформа практически всех наук, изучающих человеческое общество, в том числе и экономики.

Один из самых известных социологов второй половины XX века Т. Парсонс не раз замечал, что для того, чтобы научно обосновать социологическую картину мира, необходимо овладеть соответствующим языком этого познания, сравнивая этот процесс с ролью математики в научном развитии физики. Эта данность помогает отчетливо представить ситуацию с рынком и социологией. Сколько бы ученые ни доказывали, что социология возникла чуть ли не с момента сотворения мира, вряд ли кто найдет серьезные аргументы против признания простого факта: рынок в своем появлении все-таки опережает социологию. Это, в свою очередь, позволяет нам утверждать, вспомнив Т. Парсонса, что пока рынок в теоретическом осмыслении представлен не социологией, а экономикой. Понятийный аппарат социологии как науки о развитии человеческого общества так же беден, как бедны и наши представления о закономерностях развития человеческого общества; к тому же этот понятийный аппарат постоянно «засоряется» «вбросами» «отвлекающих моментов», порождаемых очередными «откры-

¹³ Видение образно называют Полярной звездой стратегического плана развития субъекта общественной жизни. У нас таким субъектом выступает российское общество.

тиями» всё новых псевдопредставлений, в которых конкретизируются разные модели процесса развития общества. Хотя, конечно же, они не могут быть научными по причине весьма краткой осмысленной истории развития человечества.

«Не стреляйте в пианиста», он играет как умеет». Это незатейливое выражение приобрело особое звучание весной 2011 года, когда в России отмечали 55-летний юбилей Е. Гайдара. Мир ученых и управленцев-практиков впервые четко раскололся на сторонников и противников этого человека, с именем которого связывается практика рыночного переустройства России. Не вдаваясь в подробности этого противостояния, выскажем главное. А именно то, что каждый из тех людей, имена которых в какой-либо степени связаны с выбором рыночного пути развития страны в последние годы существования СССР и постсоветской России, представлял этот путь по-своему.

Однако для всех, отметим, было характерно главное: смешение старого и нового. В любой концепции ярких представителей того времени – Л. Абалкина, Г. Явлинского, Е. Гайдара и других четко прослеживались обновленные позиции той конвергенции, наиболее значительными представителями которой были Белл и Гэлбрейт. Свойственны черты этой конвергенции и процессу обоснования рыночного пути развития страны теоретикам конца 80-х годов, и практике «создания рынка» в России под руководством Е. Гайдара, «патрулируемого» во многом главным идеологом Б. Ельцина Геннадием Бурбулисом, и процессу законодательного закрепления этой практики в новой Конституции 1993 года.

Конечно, «дефиниционное социологическое обрамление» предпринимательства начинается с простого доказательства самой необходимости научной потребности введения предпринимательства в систему категорий социологической науки. Проще говоря, так ли уж необходим сам факт появления новой социологической теории и не является ли он актом некой псевдонаучной риторики кого-то из представителей науки?

Думается, что нет, не является. А сама необходимость «введения» его в социологию именно сегодня и именно в России объясняется не столько какой-то «созвучностью» с историей возникновения в советском прошлом страны такой социологической теории, как «социология управления», сколько как раз именно самой практикой становления нового качества страны. Именно качества, а не тех «новостроек» постсоветской России, которые представляют собой попытки втиснуть новое здание в давно сложившийся ландшафт местности, которое ничего, кроме неудобств, населению принести не сможет.

Что касается конкретности в целом социологии, то именно в ее рамках и возможно осуществить научное осознание происходящих в России процессов и более конкретно представить не только объект, но и предмет научного поиска нового формата развития постсоветской России.

Эта конкретность стала проявляться в большей мере, когда в рамках социологии стала воссоздаваться такая ее конкретная отрасль как социология предпринимательства. Пока можно говорить лишь о каких-то попытках воспроизвести некую специальную отрасль знания, охватывающую своим вниманием процесс становления и развития некой специальной формы постсоветского развития России.

Именно поэтому объектом социологии предпринимательства, как научной теории, является сам содержательный процесс замены старой системы жизнедеятельности российского общества, основанного на командном управлении государства, на предпринимательскую парадигму развития.

Предмет нашего исследования всецело связан с обоснованием процесса укрепления новых форм жизнедеятельности российского общества, основанных на предпринимательской парадигме саморазвития, инновационной сердцевиной и фундаментом которого является рынок, как инновационный механизм развития человеческого общества.

Специально следует отметить, что рамки данного подхода к исследованию проблем предпринимательства, конечно же, включают те аспекты научного анализа предпринимательства, как общественного явления, и предпринимателей, как носителей определенных социальных ценностей. В тоже время, необходимо отметить и то, что сама практика включения постсоветской России в освоение предпринимательского пространства в нашей постсоветской истории заставляет исследователей отнестись более внимательно и к самой исторической панораме изучения проблемы предпринимательства, и, особенно, к восприятию этого феномена исторического развития человеческого общества, представленного пока, на наш взгляд, весьма скромно. Последнее вызвано весьма разнообразной спецификой развития постсоветской России, практика которой отнестись к проблеме предпринимательства заставляет более предметно. Ибо «на кону» стоят конкретные обстоятельства изменения самой цивилизации России, как государства.

Глава 1

Рынок: теория и практика его становления в России

Сам термин «цивилизация» ввел в научный оборот французский просветитель О. Г. Р. Мирабо в 1756 году. Под этим термином он подразумевал общество, основанное на принципах разума и справедливости, прав и свобод гражданина, обеспечиваемых государством. Вполне четко прослеживалась мысль о том, что цивилизация – это некая стадия в развитии человеческого общества и именно в цивилизационный период общество выступает как такая форма общественного и индивидуального бытия людей, которая проявляется в функционировании и развитии институтов, организаций, социальных групп и этнических образований. Именно на этом основывался Ф. Энгельс, отмечая в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства», что цивилизация является той ступенью общественного развития, на которой разделение труда, вытекающий из него обмен между отдельными лицами и объединяющее оба эти процесса товарное производство достигают полного расцвета и производят переворот во всем прежнем обществе. Вместе с тем Ф. Энгельс, основываясь на новых данных американского этнографа Л.Г. Моргана, обосновавшего существование таких стадий развития, как дикость и варварство, которые предшествуют возникновению цивилизации, несколько отошел от идиллии Мирабо. Именно Ф. Энгельс в указанной работе, которая, по его свидетельству, была написана с помощью К. Маркса, утверждает, что основанием цивилизации как особой ступени в развитии общества выступает товарное производство. Сам же К. Маркс впоследствии объяснил это более подробно.

В своем «Капитале» К. Маркс подробно проанализировал товарное производство, показав, что для рабовладельческого и феодального общества было характерно простое товарное производство, от которого существенно отличается капиталистическое товарное производство, характеризующееся особым товаром: рабочей силой человека. Именно используя человека как товар, эксплуатируя купленную рабочую силу этого человека, капиталист получает возможность извлечения прибавочной стоимости (прибыли).

Таким образом, **цивилизация** – это та последующая история человечества, связанная с частной собственностью на средства производства, которая сменила доцивилизационный (дикость и варварство) этап развития человечества. А регулятором общения на этапе цивилизации, как обосновали К. Маркс и Ф. Энгельс в своей первой совместной работе «Немецкой идеологии», становится в первую очередь товарное производство и государство.

Цивилизация – это не только особое состояние человеческого общества; она означала также появление нового системного мира, развиваемого государством. Это также и особый способ освоения ценностей культуры, особый способ жизни человека, семьи, этноса, социальных групп, государства и общества, связанный с общественными институтами и регулируемый прежде всего правом и юридическими законами; и др. Далеко не случайно, что всё это многообразие цивилизации и «вдохновило» некоторых обществоведов к поиску доказательств естественного конца жизни этого определенного типа общества.

Речь в первую очередь идет о выходе книги О. Шпенглера «Закат Европы», в которой автор изложил концепцию естественного конца жизни культурно-исторического типа общества как организма.

В принципе О. Шпенглер прав в том, что «у жизни имеется политический и экономический способы пребывания в «форме» для истории». Личностное для него «оказывается мало-значительной частной судьбой»¹⁴. Задолго до Шпенглера саму теорию «культурно-историче-

¹⁴ Шпенглер О. Закат Европы. – Т. 2. Всемирно-исторические перспективы. – М.: Мысль, 1998. – С. 498.

ских типов» человечества развил россиянин Н. Я. Данилевский в своей работе «Россия и Европа» (1869 г.), интерес к которой вновь «проснулся» среди россиян только в начале 90-х годов XX века¹⁵. И это вполне естественно, поскольку те вопросы, которые Н. Я. Данилевский ставил полтора века назад, стали актуальными для россиян именно сегодня. Среди них следующие:

- Почему Европа враждебна России?
- Возможна ли новая теория общества?
- Существуют ли различия в «психическом строе» народов?
- Можно ли счесть «европейничество» болезнью русской жизни?
- Каков славянский культурно-исторический тип?

А положение Данилевского о том, что господство одного культурно-исторического типа, его стремление распространиться во всем мире, оттеснить, поглотить другие культурно-исторические типы означают его деградацию, нашло отражение и у О. Шпенглера в его «Закате Европы», и в утверждении А. Тойнби о том, что «цивилизации принимают смерть не от внешних неконтролируемых сил, а от собственных рук»¹⁶.

Последнее в определенной степени свойственно и для России. В ее истории были случаи и «захвата» власти, и решения противоречий на путях буржуазно-демократических преобразований (Учредительное собрание), закончившихся, как известно, захватом власти большевиками – практикой для России совсем не новой. Только на сей раз это была не смена отдельных людей из царских династий, а практическая реализация некоей теории (марксизма).

Вообще, говорить об истории России, опираясь на методологию философии и истории О. Шпенглера, как собственно и других методологов, задача довольно сложная. «Перестройка» тормозящих развитие общественных отношений, начатая Александром II, если бы не отдельные исторические события (убийство П.А. Столыпина, Первая мировая война и др.), вполне вероятно могла бы способствовать утверждению капитализма, уже вполне утвердившегося во многих развитых странах, пусть и с какой-то своей «спецификой».

Конечно, все эти рассуждения опираются на какую-то основу общественного развития или, наконец, на какую-то общественную теорию, на базе которой осуществлялась вся история российского общества после революции. Вряд ли оптимистично и весьма любопытное суждение Г.И. Иконниковой и Н.И. Иконниковой о том, что «российское общество вернулось в лоно капитализма, не “родив” здорового социалистического общества»¹⁷. А «здоровый социализм», по их мнению, в России не появился потому, что теория материалистического понимания истории К. Маркса оказалась «неверной, ненаучной», что само российское общество «не успело» «созреть» до социалистической революции. Однако наши отечественные революционеры во главе с В.И. Лениным решили «творчески пересмотреть» теорию социалистической революции К. Маркса.

Реформы 90-х годов XX века – начала XXI века по «перестройке» того, что мешало продвижению советской России на пути технологического и экономического прогресса, в принципе мало чем отличаются и от революционного периода 20—30-х годов, и от тех реформ, которые проводило советское правительство в послереволюционные годы. Ни одна реформа того времени, включая нэп, не была реализована вообще. И если нэп в какой-то мере еще существовал некоторое время, то другие реформы затухали, даже не начавшись в практическом плане.

¹⁵ См.: Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – М., 1991.

¹⁶ См.: Тойнби А.Дж. Постигание истории. – М.: Мысль, 1991. – С. 300.

¹⁷ Иконникова Г.И., Иконникова Н.И. Цивилизационный сдвиг – действительность или возможность. – М.: Форум, 2009. – С. 19.

Капиталистическая система все эти годы тоже не раз «закатывалась»: и сегодня «Закат Европы» пропагандируется западными публицистами (Тоффлер и др.) всё в той же логике «ощущений», порождающихся в ходе возникновения каких-либо новых трудностей в развитии капитализма на Западе.

Всё это весьма негативно сказывается на процессе развития современной России. К тому же ожидание «рыночного чуда», подготовка к которому, прежде всего от понимания никак не может «дотянуться» до уяснения самой сущности России как абсолютно нового феномена жизнедеятельности нового российского общества, несомненно повлияет на процесс удлинения сроков прихода какого-либо нового качества жизнедеятельности страны. И самое главное – это ожидание «нового» не должно связываться с появлением какой-то специальной программы, новой политической партии, нового истеблишмента. И, наконец, – нового лидера. Вряд ли, конечно стоит «вспоминать» каких-либо «пророков» прошлого...

Очевидно и то, что никакими реформами и указами «сверху» нельзя изменить сложившуюся за годы советской власти систему жизнедеятельности, а главное – нарушить гегемонию взаимоотношений представителей государственной власти с населением. Нельзя изменить само мировоззрение тех людей, жизнь которых прошла в советском обществе. Очевидно и то, что сам процесс перемен связан также с самим фактом ухода из жизни целых поколений россиян. А это, как известно, объективно не «укладывается» в те десятилетия, которые прошли после свершившихся перемен в России, а ведь только практика и формирует «нового человека» будущей России.

О каждом организме, как писал автор «Заката Европы», нам известно, что сами форма и продолжительность жизни его или любого отдельного проявления жизни определены свойствами рода, к которому он принадлежит. Никто не станет предлагать относительно тысячелетнего дуба, что он как раз теперь-то и собирается собственно расти. Никто не ожидает от гусеницы, видя ее ежедневный рост, что она, возможно, будет расти еще несколько лет. Здесь каждый с абсолютной уверенностью чувствует некую границу, и это чувство идентично чувству внутренней формы. «Но по отношению к истории развитого человеческого типа царит необузданный и пренебрегающий всякого рода историческим, а значит, и органическим опытом оптимизм по части хода будущего, так что каждый в случайном настоящем “затеси” на высшей ступени линейном “дальнейшем развитии”, не потому, что оно научно доказуемо, а потому, что он этого желает. Здесь предвидят неограниченные возможности, но никогда естественный конец – и из обстоятельств каждого мгновения моделируют совершенную наивную конструкцию продолжения»¹⁸.

Содержание этой довольно объемной цитаты, написанной философом в начале XX века, согласимся, весьма конкретно характеризует исходные позиции как наших революционеров 20-х годов, так и реформаторов 90-х годов XX века. Но сродни ли нашему времени (1990–2016 гг.) тот период, который А. Белый характеризовал как единство трех кризисов, охвативших Европу: «кризиса жизни», «кризиса мысли», «кризиса культуры»¹⁹? Именно они, по его мнению, и «обеспечивали» символический «закат Европы» Шпенглера.

Что породило поступки наших реформаторов 90-х годов?

В первую очередь «ветхозаветность» лидеров КПС. Неспособность отойти от старых стандартов руководства страной, подавление всех попыток обновления. Могла ли сохраниться эта тенденция в ходе реформирования России? С какими-то модификациями – да, смогла, поскольку реформы не могут заменить революционные преобразования. Они способны осу-

¹⁸ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. – Т 1. Гештальт и действительность. – М.: Мысль, 1993. – С. 50.

¹⁹ См.: Белый А. Символизм как миропонимание. – М., 1994. – С. 260–296.

щество лишь некую «перестройку» старых конструкций, что и произошло в России 90-х годов прошлого века.

Может ли данная «перестройка» стать основанием кардинальных изменений в России? Думается, что нет, не может.

Даже революция 1917 года не смогла создать объективные условия для возникновения новой России. Прежде всего потому, что она не изменила старый способ жизни человека. Не случайно то, что явно провалившуюся политику военного коммунизма В.И. Ленин заменил нэпом. История – это политика, опрокинутая в прошлое, как заметил в свое время академик М.Н. Покровский (1868–1932), за что и поплатился. Но именно этим воспользовался В.И. Ленин, сумев в очень непростой борьбе с партийными ортодоксами отстоять идею нэпа. Лишь немногие из его партийных соратников понимали, что никакая революция не способна разрешить противоречия российского общества в начале XX века, даже «убрав с дороги» царя. И нэп задумывался как единственное верное средство разрешения этих противоречий, которые возникли во второй половине XVIII века и продолжались в XIX веке. А разрушение их было возможно только на пути буржуазно-демократических преобразований, а не в результате «победы революционного рабочего класса», которого в России, согласимся, и не было.

Последние работы В.И. Ленина раскрывали те конкретные формы и методы организации хозяйственной деятельности, которые в свою бытность генеральным секретарем ЦК КПСС и Президентом СССР реанимировал М.С. Горбачев и которые положили «под сукно» преемники В.И. Ленина в 20-е годы прошлого века. «Положили под сукно» потому, что они сами никак не «вписывались» в сам ход осуществления нэпа.

Тем не менее сам нэп все-таки существовал почти до конца 20-х годов...

Вряд ли стоит пытаться вообразить себе как повел бы себя в этой ситуации, будь он жив и здоров, В.И. Ленин. Вспоминается другой, на наш взгляд, весьма похожий случай: деятельность царя Александра II и его окружения. Последние практически в полном составе были против отмены крепостного права в России, но царь добился своего – отменил сам факт крепостного права. Спрашивается: изменил ли царь цивилизационный облик бывшего крепостного крестьянства?

Далее мы не раз будем возвращаться к ответу на этот вопрос. Сейчас же, рассматривая современные проблемы, зададимся тем же вопросом: претерпели ли цивилизационные контуры какие-либо изменения (в лучшую сторону, конечно) постсоветского российского общества?

Положительно на этот вопрос ответить пока трудно. Можно согласиться лишь с тем очевидным фактом, что вся история России свидетельствует о том, что она уже более тысячелетия является цивилизованной страной. Эта цивилизация является вполне самостоятельной, отличной от других. Специфичность российской цивилизации можно представить в виде следующих особых норм, стандартов, правил и принципов:

- 1) государство превышает всего;
- 2) общество как целое выше человека как индивида;
- 3) право должно обеспечивать мощь государства, прежде всего военную;
- 4) не богатство гарантирует власть, но власть обеспечивает богатство (из чего следует, что коррупция есть неотъемлемая черта этой цивилизации);
- 5) производство, технология, инновация, наука имеют смысл и оправдание лишь постольку, поскольку они содействуют военному могуществу, расширению территории и укреплению государства;
- 6) высший моральный принцип есть оправдание любых акций, лишь бы они были направлены на укрепление власти, служение ей;
- 7) основное внутреннее назначение государства – патерналистское: государство определяет, что хорошо, а что плохо для граждан, распределяет блага с учетом места каждого в иерар-

хической системе власти, вырабатывает для всех подданных смысл и назначение их жизни и позволяет им «вольности» и «шалости» лишь от сих до сих, в качестве разминки перед военными действиями. Политические партии, церковные, научные и другие организации имеют право на существование лишь как на механизмы, укрепляющие власть;

8) ложь, клевета, преступление и т. д. оправданны и нравственны, если они подчинены сверхзадаче государства, т. е. укреплению военного могущества и расширению территории.

Именно на этих фундаментальных ценностях цивилизации и было построено всё детально разработанное и изошренное законодательство, которое состоит как бы из двух частей – эссенциальной, подлинной, ориентированной на власть, и камуфляжной, маскирующей наше право под моральные ценности христианства и других более развитых цивилизаций.

В этой социально-исторической реальности в России существовали и развивались разные формы и типы социэкономии. В принципе таких типов социальных механизмов всего два: распределительный (дистрибутивный) и рыночный. Соответственно различаются и два типа социэкономии – дистрибутивная экономика и рыночная экономика. На разных этапах развития общества можно наблюдать и различные комбинации этих типов с преобладанием одного или другого из них.

Дистрибутивная экономика характерна для традиционного общества и подчинена задачам жизнеобеспечения всего населения страны на уровне его выживания. Ее концепцию разработал в середине XX века известный венгерский экономист Карл Полани. Суть этой концепции в том, что в традиционном обществе государство доминирует над всеми структурами; продукты производственной, хозяйственной деятельности сначала концентрируются в руках государства, а затем государство по своим критериям распределяет полученное. В СССР, например, распределялось всё. Практически 80 % продукции составляли средства производства и вооружения и лишь 10 % – товары для населения.

Второй тип – **рыночная экономика**, которая приспосабливается к запросам общества. В такой экономике и обществе в целом утверждается принцип максимизации полезности.

В российской социально-исторической действительности существовали и развивались вполне определенные рыночные отношения.

Речь идет не о капитализме, а именно о рыночных отношениях. Более того, как отмечают некоторые ученые, сама российская цивилизация была не только условием, но и порождением этих отношений. Знаменитый путь «из варяг в греки» был торговым путем, но по нему же к нам пришли варяги, сделавшие Россию наследственным владением Рюриковичей с их уникальным «княжим правом». Крепостной рынок, возникший при наследственном владении дома Романовых, тоже был рынком.

Вялый, унылый и беспомощный рынок, подозрительные и неумелые с точки зрения Запада русские купцы, принцип «не обманешь – не продашь», неприемлемый для протестантской этики капитализма, – всё это свидетели особого российского рынка, но не отсутствие рынка вообще. После отмены крепостного права (1861 г.) российский рынок стал более интенсивно развиваться, чем при Петре I, во времена Ивана Грозного и Годунова. Наивысшей точки процесс европеизации и капитализации наш рынок достиг в конце XIX века. Сложившаяся рыночная ситуация и необходимость дальнейшего развития в этом направлении требовали радикального изменения российской цивилизации и неотъемлемой от нее деспотической организации власти.

Трансформация российского рынка, основанного на низких технологиях, вялотекущих экономических процессах, малоинициативных предпринимателях и купцах (хотя и среди них были яркие и сильные фигуры), отсутствии серьезной капиталистической этики и свободы предпринимательства, в рынок современного капитализма требовала новой цивилизации, новой общественной организации, радикальных изменений в ядре нашей культуры.

Однако вместо всех этих изменений Россия получила естественное следствие нашей «особой» цивилизации «особого» рынка «особого» исторического пути, на который толкал нас родной отечественный деспотизм – социалистический механизм власти. История впоследствии показала, что переход от нецивилизованного общества к цивилизованному куда проще, чем смена цивилизаций, поскольку речь идет не о создании системы, а о вытеснении старой системы и замене одного блока взаимосвязанных систем цивилизации, технологии, экономики и культуры аналогичным блоком качественно иных систем.

Современный капиталистический рынок с таким же трудом «пробивает» себе дорогу в аналогичной ситуации. Обстоятельства становления рынка в современной России еще труднее, чем это было в царской России, поскольку здесь те стандарты, правила и ценности, о которых речь шла ранее, приобрели особый идеологический оттенок прочных негативных стереотипов по отношению ко всем капиталистическим ценностям. Кроме того, в советской России сложился и свой рынок, непохожий ни на старый, ни, естественно, на тот, который Россия стремится создать сегодня. Именно поэтому рыночное реформирование в России идет не только трудно, с большими потерями (это, как показала практика посткоммунистической трансформации в странах Восточной Европы, свойственно всем бывшим членам социалистического лагеря), но и с некоторыми рывками. Причем, и вперед, и назад.

Общеизвестно, что капиталистический рынок немыслим без реализации и наличия следующих пяти факторов:

- 1) капитал как фундаментальная экономическая основа эффективного производства и торговли;
- 2) свободное предпринимательство, целиком ориентированное на производство товаров в объеме, необходимом для удовлетворения развитых человеческих потребностей и обеспечения благополучия подавляющему большинству населения в соответствии с современными стандартами жизни в развитых обществах;
- 3) признание частной собственности священной и неприкосновенной, так же как и признание права на существование всех других форм собственности, кроме абсолютно монопольной государственной;
- 4) инновационный механизм и высокоэффективные современные технологии, опирающиеся на стержневую информационную технологию, обеспечивающие высокую автоматизацию промышленного и интеллектуального труда, качество товаров, ресурсосбережение, экологическую безопасность и гуманизацию среды обитания;
- 5) высокая профессиональность и компетентность всех субъектов экономической, финансовой и политической деятельности.

К этому необходимо еще добавить максимальные трудовые гарантии каждого из этих пяти факторов, ибо только взятые вместе как моменты единого целого они могут обеспечить единство новой цивилизации и нового рынка, т. е. реализацию нашей самой известной мечты о материальном и духовном благополучии, обещаниями реализовать которую и соблазнили большевики российские небогатые слои населения в пору Октябрьской революции 1917 года.

В современной России до сих пор так и не реализованы практически все пять перечисленных выше факторов. Несмотря на то, что имеется весьма солидный капитал, он никак не может стать той фундаментальной экономической основой эффективного производства и торговли, которая была жизненно необходима все эти годы реформ. И не станет до тех пор, пока мы не осознаем, что «поодиночке» вышеотмеченные факторы наличия капитализма нельзя реализовать по определению. Нельзя реализовать и сами факторы «по частям», как, например, все эти 25 лет пытаются «ввести» частную собственность: на квартиру, государственную собственность (предприятия), землю и т. д. Даже самая либеральная «команда» наших реформаторов Е. Гайдара колебалась, не зная с чего начать – отпустить цены или начать приватизацию.

Сегодня мы «пожинаем» плоды реализации главной идеи первых реформаторов – создания класса собственников. Да, они преуспели в этом. Но ведь путь, каким шел процесс создания класса собственников изначально, был порочен. Как, вообще, можно создать из ничего что-либо конкретное? А именно так и обстояло дело. В свое время многие жалели М. Ходорковского – одного из первых российских олигархов, посаженного в тюрьму за неуплату налогов. Жалели по весьма определенным причинам. О самой ситуации с неуплатой налогов говорить не будем. И здесь Ходорковский был далеко не одинок. Жалели же в первую очередь потому, что он не тратил деньги на приобретение предметов роскоши – дорогие машины, яхты, дворцы и т. д., – как многие из неоткуда возникших российских нуворишей, а расширял производство, создавал научные учреждения, сиротские дома и т. п. И, кстати, он чуть ли не единственный из олигархов 90-х годов прошлого века, который разбогател вполне в духе «американской мечты». Казалось бы, что он не мог воспользоваться служебным положением, как почти все руководители разных рангов из бывших министров (газовой промышленности, энергетики и т. д.), не использовал воровские схемы по соглашению с подельниками – руководителями производства, как, например, Б. Березовский и В. Гусинский, не пользовался связями с родственниками, занимавшими высокие посты и т. п. Свой первоначальный капитал он создал, работая в отделе научно-технического творчества молодежи; такие отделы практически первыми в стране социализма ввели хозрасчет, наиболее похожий на действительный рынок, его аналог. Кстати, «пробил» саму возможность «обналички» не сам М. Ходорковский, который «сколотил» за этот счет свой первоначальный капитал, а ЦК ВЛКСМ. Весьма «плодотворно» использовали полученную возможность и многие другие комсомольские работники, занимавшие впоследствии важные посты и в экономике, и в государстве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.